

Т.И. КАЛУЖНИКОВА

(Уральская государственная консерватория им. М.П. Мусоргского, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81.161.1'28(470.51/.54)

ББК Ш141.12-025.7

МУЗЫКА ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ СРЕДНЕГО УРАЛА

Аннотация: На материале русских говоров Среднего Урала в статье рассмотрены музыкальная лексика и фразеология традиционной свадьбы Свердловской области. Автор характеризует уральские обозначения жанров свадебного обрядового фольклора, исполнительских приемов и соотносит их со свадебными певческими терминами других регионов России.

Ключевые слова: традиционная свадьба Свердловской области, музыкальная лексика и фразеология, групповые и сольные причитания, свадебные песни

Народная лексика и фразеология, связанная с теми или иными аспектами традиционной культуры, отражает представления о них самих носителей. Являясь результатом деятельности по осмыслению и вербализации различных фактов культурной традиции, подобные языковые единицы позволяют взглянуть на эти факты «изнутри» культурной системы. Сегодня изучение традиционных представлений и способов их вербализации составляет одно из приоритетных направлений фольклористики, этнографии, лингвокультурологии, этнолингвистики, этномузыкологии. К этому направлению принадлежит и настоящая работа. В ней на материале русских говоров Среднего Урала рассмотрена лексика и фразеология, относящаяся к музыке традиционного свадебного ритуала, который активно бытовал в конце XIX – первой четверти XX вв. на территории современной Свердловской области²².

²² Базу источников составляют интервью с этнофорами и фольклорные тексты, материалы словарей и архивных фондов. Используемые в статье фольклорные материалы собраны в 1970-90-х гг. в экспедициях Уральской гос. консерватории им. М.П. Мусоргского (руководители – В.В. Бакке, Н.И. Водяникова, М.Г. Казанцева, Т.И. Калужникова, С.В. Мартюшева, Е.М. Михалева) по

Хотя народной лексике нередко отказывают в статусе терминологии, тем не менее, наличие устойчивой закреплённости таких обозначений за определёнными понятиями в сфере традиционной культуры сообщает им некоторые терминологические свойства. Не случайно область, которую принято называть «народными знаниями», представляет традицию как некую целостность. Основу подобной целостности А.К. Байбурин и Г.А. Левинтон усматривают в семантическом единстве фольклорно-этнографической системы, которое находит выражение в естественном языке и разнообразных художественных текстах. По мысли исследователей, «язык как универсальный интерпретант сопоставляет каждому элементу этнографической реальности слово (термин), и, таким образом, словарь данной социальной группы (вернее, терминологический подраздел этого словаря) является моделью всего ее быта. Другая часть этого словаря (частично, разумеется, совпадающая с первой) составляет парадигматическую основу фольклора» [Байбурин, Левинтон 1984: 244]. С учетом сказанного по отношению к лексемам и фразеологизмам, имеющим в контексте местного свадебного обряда постоянное значение, автором статьи употребляются (с поправкой на специфику фольклора) слова *термин*, *терминология*.

В работе ставятся две задачи: 1) выявить в народных говорах Среднего Урала певческие термины местной свадьбы; 2) соотнести певческий словарь среднеуральского ритуала со свадебной музыкальной терминологией других традиций России.

Изучение местной свадьбы как музыкально-этнографического комплекса позволяет говорить о существовании на среднеуральских землях типовой модели местного свадебного ритуала. Это подтверждается повторяемостью в большинстве населенных пунктов сходного состава и аналогичной последовательности обрядовых действий, бытованием корпуса музыкально-поэтических текстов, относительно цельного в жанровом и сти-

Свердловской области. Сведения о местной свадебной лексике и фразеологии почерпнуты также из работ: [Стяжкин 1915, 2002; Шилков 1891-1894; Словарь русских говоров... 1964-96; Востриков 2000, Причитания и песни... 2013 и др.].

листическом отношении, использовании устойчивого круга лексем и фразеологизмов, связанных со свадьбой. Характерная особенность рассматриваемого обряда – высокая степень вариативности всех компонентов, в том числе и обрядовой лексики.

Одним из символических языков рассматриваемого ритуала является его музыкальный код, куда входят причитания (групповые и индивидуальные) и песни. С этим кодом соотносится широкий круг слов и устойчивых выражений, представленных в местных говорах.

Свадебные коллективные причитания обозначают словом *песня*²³: «*А пели “Приутихните, гуси, на море...” – вот эту песню обязательно пели, даже свадьба едет, и то пели её. [– Это песней у вас называлось?] Да, это песня*» (зап. в 1987 г. в д. Колташи Черемисского с/с Режевского р-на от А.Х. Колташовой, 1904 г. р.). Лексемы *смитли*, *сметли* (от начального стиха «Сметь ли, сметь ли, родна тётушка...») относят к групповым причитаниям, исполняемым до обручения девушками при обходе дворов родственников и сборе продуктов.

Применительно к исполнению коллективной причети используются термины *петь*, *выть*, *привывать* и словосочетание *взвывать в голос*: «*Девки поют и женщины по-собляют, знают дак*» (зап. в 1986 г. в д. Стадухино Староартинского с/с Артинского р-на от А.П. Корлыхановой, 1897 г. р.); «*Ну, “Спала я да высыталась...” – это вытниса завоет и... все тут станут выть, она [невеста. – Т.К.] – реветь*» (зап. в 1987 г. в д. Колташи Черемисского с/с Режевского р-на от А.Х. Колташовой, 1904 г. р.).

Бытующие в речитативной и напевной формах **индивидуальные (сольные) плачи** в обоих случаях называются *причитаниями* либо *причётами*. Процесс их воспроизведения вербализуется старожилками через предикатные формы *причитать*, *реветь*, *вопить*, *выть*, а также выражение в го-

²³ Характерно, что слова «песня» и «пение» применительно к групповым причитаниям используются и в этномузыкологических исследованиях. См., к примеру, [Ефименкова 1980: 13], где автор разделяет «собственно плач» (индивидуальный) и «причетную песню» (ансамблевую, исполняемую группой девушек или воплениц).

лос наговаривать: *«Невесту-то благословляют, она за стол-то как схватится и за мамоньку за родимую. Воет и воет, ревёт»* (зап. в п. Санкино Алапаевского р-на [Востриков 2000: 119]).

Особым термином – вытница отмечена наемная плакальщица (как правило, это немолодая женщина, хорошо знающая круг местных причитаний и владеющая традиционными приемами их интонирования). Она исполняет сольные плачи вместо невесты: *«Вытница придёт, так и невеста заревёт. [– А какой причет тут вот выла?] Ну, “Спала я да высылалась да / У родимой мамоньки...” – это вытница завоет... Все тут станут выть, она – реветь. А потом ждут свадьбу»* (зап. в 1987 г. в д. Колташи Черемисского с/с Режевского р-на от А. Х. Колташовой, 1904 г. р.). Благодаря умению причитать такая плачеха примыкает к кругу «магических специалистов» (кузнецы, пасухи, гончары, мельники, бабки-повитухи и др.), чьи профессии обеспечивают им связь с «иным» миром.

Зафиксированы высказывания, относящиеся к звучанию сольного голошения на фоне пения невестиных подруг либо женщин: *«Ну, вот как мы, старухи. Соберут старух, они взывают в голос. Чё вот они поют, она то и прищитат»* (зап. в 1986 г. в д. Берёзовка Поташкинского с/с, Артинского р-на от Х.Ф. Чурсовой, 1902 г. р.); *«Она слезами ревёт, и девки поют, а она под мотив-от слезами ревёт. ... Ну, слова эти она тоже всё повторяет, невеста-та... Она шибко редела»* (зап. в 1983 г. в с. Полдневая Полевского р-на от К.П. Тупицыной, 1911 г. р.); *«Вот теперь, значит, когда девушки покушали, несут к ним под крышей... вернее, пустое блюдо, перевернутое на другом блюде, и ставят на стол. Ставят на стол, а девушки ставят ложки все, к этим чашкам ставят ложки как бы шатром. А, значит, в это время начинают петь, а она опять же, значит, причитает, что отказал мне родимой тятенька...»* (зап. в 1973 г. в р. п. Билимбае Первоуральского г/с от З.Ф. Зуевой, 1908 г. р.).

Причитая соло, певица зачастую производит движения (бьет о стол, верею, могилу), которым соответствуют термины хлестаться, хрястаться, стукаться: *«А утром-то она встанет, там уж баню про её истоят. И до бани идёт хрястается, прищитат. Котору силой отдавали, дак нейдёт. Пой-*

дѣт в баню-ту, дак всю дорогу хрястатся, ревьѣт. ... Девки идут все поют, а она прищитат» (зап. в 1986 г. в с. Сухановка Артинского р-на от А.И. Звонарёвой, 1901 г. р.).

Среди **свадебных обрядовых песен** терминологически выделены величальные, называемые припевками, и корильные, которые именуются просмешными припевками: *«И женищинам, и мужчинам, и всяки припевки пели. И женские, и мужские, и всем разное ведь надо спеть. Одну не споёшь. Вот если двадцать человек сидит за столом, двадцать припевок надо знать. И девичьи, девке – девичьи. Вдовец если свѣкор, дак ему вдовью поём. Если вдова свекровка, дак поём ей вдовью припевку»* (зап. в д. Измоденовой Бруснятского с/с Белоярского р-на Свердловской обл. [Востриков 2000: 42]). Местные жители используют также слово **припевочка**, относящееся к песенке, которая поется после величания и получения платы за песню (она содержит перечисление родных и близких чествуемого семейного участника свадьбы, упоминание девушки, понравившейся парню, и т.п.). В отдельных р-нах Свердловской области (например, в Белоярском, Туринском) зафиксировано еще одно наименование песенных величаний – **опевальная песня**.

Процесс песенной артикуляции жители горнозаводских поселений определяют глаголом **петь**. Особняком стоят припевки, об исполнении которых говорят **величать**: *«[– А тысяцкому какую песню пели?] Ой, не помню, чтоб ему пели. Величать-то величали»* (зап. в 1987 г. в с. Глинское Режевского р-на от А.П. Колмаковой, 1917 г. р.); *«Потом уж, за стол когда, так величали жо опять, вот величальны это, свадебны песни. Величают тогда. В первую очередь жениха с невестой взвеличают, а потом величают хрѣстну, хрѣстного. Много ить величали. А денег-то сколь накладывают. Во! Деньги клали. Мы тебя взвеличали артелью – нам денежки кладут»* (зап. в д. Верхний Яр Останинского с/с Алапаевского р-на Свердловской обл. [Востриков 2000: 41-42]). Известен и термин **припевать**, означающий исполнение припевочки: *«Вот тожно сына опять припоют ему»* (зап. в д. Измоденовой Бруснятского с/с Белоярского р-на Свердловской обл. [Востриков 2000: 40]); *«Он выводит какую-нибудь девчонку, и припевают к ему. Припевают. “Давай деньги”. Деньги отдавали»* (зап. в р. п. Баранчинский Кушвинского

г/с Свердловской обл. [Востриков 2000: 40]).

Существенно, что все певческие термины, как правило, имеют в рамках изучаемой региональной традиции ясно очерченные зоны значений. Местные жители выделяют по этому признаку четыре вербальные сферы: а) связанную с воспроизведением причитаний (причитать, выть, привывать, реветь, вопить, в голос наговаривать), б) обозначающую исполнение свадебных песен трех функциональных групп – прощальных, песенных комментариев, сиротских (петь), в) относящуюся к величаниям (величать, изредка – опевать) и г) закрепляемую за припевочками, поющими после величаний (припевать).

Однако в ряде случаев в бытовании свадебного фольклора происходит стирание граней между некоторыми жанрами (к примеру, между коллективным причитанием и прощальной либо сиротской песней), обусловленное их функциональным и стилистическим сходством. Отмеченной тенденцией вызвано включение в первую терминологическую группу слова *петь*, соотносимого исключительно с групповыми причитаниями. По той же причине артикуляцию некоторых прощальных песен (к примеру, песни «Веряя моя, верюшка...»), наряду с глаголом *петь* иногда обозначают причетными терминами *выть*, *реветь*: *«Каждый вечер “Верюшку” ревели [= пели]. [– А где они поют?] А у бани. На баню ещё залезут, чтобы пушише слышно было. Девки, подружки, старушки, все собираются»* (зап. в с. Фирсово Режевского р-на Свердловской обл. [Востриков 2000: 61]).

Рассматриваемый свадебный обряд, представляющий собой позднее по времени формирования и вторичное по генезису и структуре явление, складывается на основе форм ритуала, привнесенных на Средний Урал в конце XVII–XVIII вв. выходцами из северных, центральных уездов России, Среднего Поволжья, Прикамья. Поэтому он обнаруживает соответствия разновидностям севернорусского типа свадьбы, зафиксированным в Карельском Поморье, на Терском берегу Белого моря (южное побережье Кольского полуострова), вариантам свадебного ритуала Нижегородской области, где северная основа дополняется отдельными элементами южнорусского происхождения, и при-

камской обрядности. Сказанное касается и свадебной музыкальной лексики.

Так, общими для Поморья и Свердловской области певческими терминами являются лексемы *вопить* (*вопеть*), *причитывать*, употребляемые по отношению к индивидуальной причети, *петь* – по отношению к групповым причитаниям и песням (см.: [Балашов, Красовская 1969; Русская свадьба Карельского Поморья 1980]). Сходство присуще среднеуральской и нижегородской (прежде всего ветлужской) свадьбам. В них совпадают лексемы *песельницы* (девушки и молодые женщины, исполняющие причитания и песни), *выть* (причитать) (см.: [Нижегородская свадьба 1998]). Следует отметить также наличие совпадений в музыкальной лексике, относящейся к свадебным обрядам Свердловской области и Прикамья. На территории Пермского края это слова *величальная* и *опевальная* песня, которыми здесь обозначают песенные величания, а также *припевка* – так называют песенку, поющуюся после величальной (см.: [Вершинина, Черных 2007; Терехина 2011 и др.]).

Таким образом, рассмотренная терминология дает достаточно цельное представление о музыке среднеуральской свадьбы. В ней находят отражение состав жанров свадебного обрядового фольклора, круг певческих приемов, фигуры исполнителей. Наконец, анализ свадебной певческой лексики и фразеологии Свердловской области служит основанием для выявления связей изучаемого явления с обрядовой терминологией других регионов России.

ЛИТЕРАТУРА

Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // *Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: сб. трудов* / Ред. Б.Н. Путилов. – Л., 1984. – С. 229-245.

Балашов Д., Красовская Ю. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. – Л., 1969.

Вершинина Е.Б., Черных А.В. Куединская свадьба. Традиционный свадебный музыкальный фольклор русских с. Урталга Куединского района Пермского края в конце XIX – первой половине XX в. – Пермь, 2007.

Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. – Екатеринбург, 2000. – Вып. II. Народная свадьба.

Ефименкова Б.Б. Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). – М., 1980.

Нижегородская свадьба. Пушкинские места. Нижегородское Поволжье. Ветлужский край: Обряды, причитания, песни, приговоры / Изд. подготовили М.А. Лобанов, К.Е. Корепова, А.Ф. Некрылова. – СПб., 1998.

Причитания и песни традиционной уральской свадьбы: исследование, тексты, аудиоприложение / Изд-е подготовлено Т.И. Калужниковой. – Екатеринбург, 2013.

Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Ньюче) / изд. подготовили А.П. Разумова, Т.А. Коски / Под общ. ред. Е.В. Гиппиуса. – Петрозаводск, 1980.

Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. с «Дополнениями...» / Под ред. А.К. Матвеева. – Свердловск-Екатеринбург, 1964. Т. 1; 1971. Т. 2; 1981. Т. 3; 1983. Т. 4; 1984. Т. 5; 1987. Т. 6; 1988. Т. 7; 1996. «Дополнения...».

Стяжкин И.Я. Народная литература Камышловского уезда // ГА-СО. Ф. 101. Оп. 1. Дело 756. Рукопись. 1915.

Стяжкин И.Я. Словарь народного говора Камышловского уезда // Из фольклорного наследия И.Я. Стяжкина. – Екатеринбург, 2002. Т. I. Уральские сказки. – С. 277-345.

Терехина Н.Н. Свадебные песни Перми Великой / Под общ. ред. А.В. Черных; науч. ред. М.А. Енговатовой. – Пермь, 2011.

Шилков П.А. Свадебные обряды и песни Билимбаевского завода, Екатеринбургского уезда, изданные под редакцией Дмитриева А.А. // Записки УОЛЕ. Т. XIII. Вып. 2. – Екатеринбург, 1891-1894. – С. 177-195.

© Калужникова Т.И., 2014